Письменный стол

Выпуск подготовила Анна КОВАЛЕВА.

МОСКОВСКИЕ ГАРИКИ

ОЧАРОВАТЕЛЬНЫЙ БЕЗДЕЛЬНИК

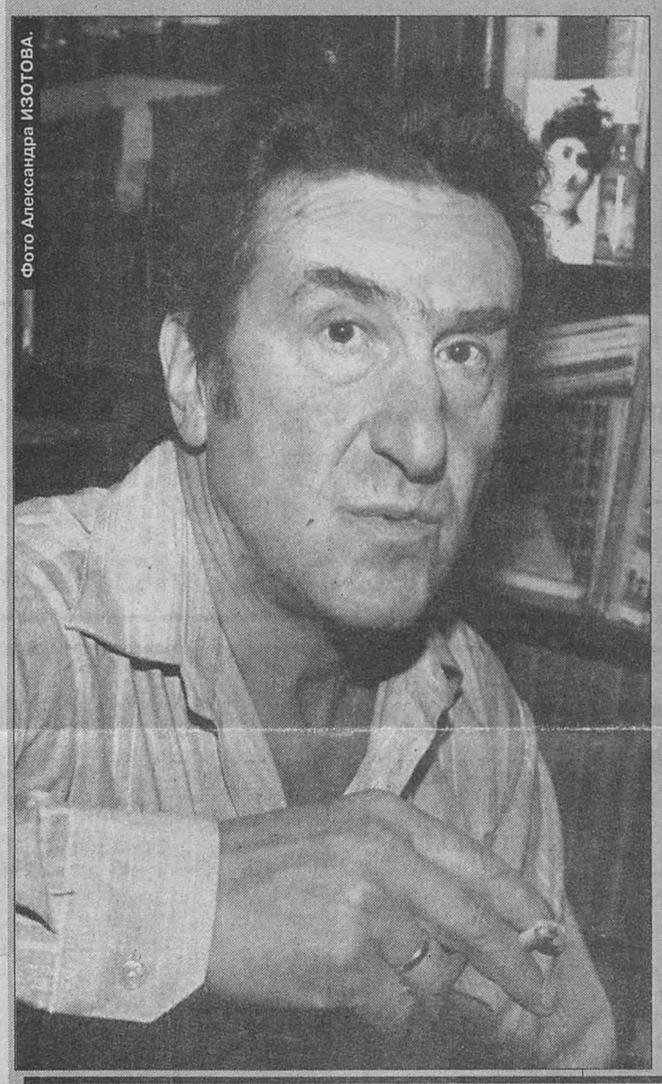

Фото Александра ИЗОТОВА.

“Гарики на каждый день” я прочла лет в восемнадцать и была уверена, что автор — молодой, красивый, веселый. С Игорем Губерманом я познакомилась недавно и, уже уходя от него, решилась и сказала: “Когда я вас читала, я думала, что вы ... (смотри выше)” — “Бедная девочка, — мгновенно отозвался Губерман, — какое разочарование вас постигло. Я — старый, мрачный, да еще и с похмелюги. Кошмар. Выпьете коньячку? Очень хороший. Вчера был юбилей моей любимой тещи, так я его оттуда и тиснул. Может, пообедать хотите?”. Сошлись на очень хорошем кофе и очень хорошем коньяке. Постепенно я снова вернулась к мнению, что автор “Гариков” и других вещей — молодой, красивый, веселый.

Игорь Губерман: “Я — тиран, деспот, злобный, сварливый, несговорчивый и вообще мерзота сплошная...”

—Игорь Миронович, когда уезжали, у вас не было желания порвать все и навсегда?

— Навсегда — нет. Я в России прожил пятьдесят два года из шестидесяти и продолжаю ее любить. Здесь безумное количество друзей. Потом, я уже говорил, что здесь самая лучшая аудитория. И я сейчас дружу с разными “новыми” русскими. Эти люди мне очень интересны и симпатичны.

— Интерес к “новым” русским — коммерческий, или это нечто более глубокое и духовное?

— Коммерческого в этом нет ни на грамм. И ни разу не было. Кроме разве одного исключения, когда новые русские издатели очень крепко меня надули. И я не получил ни копейки денег за издание книжки. Нет, это просто интерес к совершенно новым людям.

— И как они, с вашей точки зрения?

— Как все люди, очень разные. Поэтому обобщать никак нельзя. Но среди них есть совершенно замечательные ребята, на которых, я думаю, будет держаться будущая Россия.

— А как появилась гениальная идея назвать ваши четверостишия “гариками”?

— Когда я только начинал писать четверостишия, то называл их “дацзыбао”. Вы по молодости лет не знаете, что это такое. В Китае было движение “Лозунги больших букв”: писали короткий лозунг и вешали его на стенку. Но потом, когда у меня в Израиле вышли сразу два сборника четверостиший, то они назывались “Еврейские дацзыбао”, что уже, конечно, полная бессмыслица. И я вспомнил, что дома меня звали Гариком, и так их назвал. И это название настолько прижилось, что появились “Юрики”, “Васики”, “Марики”, “Толики”. Многие люди теперь называют своими именами четверостишия, которые они пишут.

— А вы не устаете от того, что многие обращаются к вам, как к Гарику?

— А меня всегда звали Гариком. Это мое естественное имя, такое же, как Игорь. И когда ко мне кто-то подходит с криком: “Привет, Гарик!”, то это мое имя, а не название стихов. И меня это не раздражает.

— Пятьдесят два года из шестидесяти вы провели здесь. Что вместила эта жизнь?

— Школу, институт, двадцать лет работы инженером. Мотался по всей советской империи. Десятки замечательных людей, с которыми я общался. А может быть, и сотни, если посчитать.

— У вас не было никакого литературного образования и домашней предрасположенности к писанию стихов?

— Никакого.

— Как же дошли вы до жизни такой?

— Потому что графоман.

— Игорь Миронович, вы честно и открыто признаете себя...

— Графоман в чистом виде. Абсолютно.

— Как же объяснить историю успеха?

— Я думаю, что это — случайность.

— Ни на чем не основанная?

— Скорее всего, ни на чем. Я писал очень много научно-популярных книжек и статей. В основном о науке. Писал исторические романы. Негритянские.

— Какие?

— Писал за других людей. Были рассказы и масса стихов. К счастью, свои любовные стихи — я начинал, как и другие, с лирики — все порвал и выбросил давным-давно.

— Не жалеете?

— Нет, абсолютно. А успех все-таки чисто случайный. Знаете, здесь хорошо бы вставить стишок, я его как раз недавно написал. Сейчас я вспомню... с Пушкиным вместе написано:

Любезен буду долго я народу,
поскольку так случайно получилось,
что я воспел российскую природу,
которая в еврея насочилась.

— Прогулки вокруг барака во время вашей отсидки — это ваше личное везение или было за что их получить?

— Я с 1973 года сотрудничал в нелегальном журнале “Евреи в СССР”. Его организовали физики, биологи из евреев-отказников, которых не пускали в Израиль. Тогда была замечательная формулировка отказа: “Ваш выезд считается нецелесообразным”. Сейчас судьба его участников сложилась по-разному. Вот, например, Саша Воронель, главный основатель журнала — профессор физики в Тель-Авивском университете. Марк Аубель — завкафедрой физики там же. А кто-то из них умер уже.

Они поступили как внутренне свободные люди. Организовали семинар ученых, чтобы мускулы не ослабли. Редакторы журнала постепенно уезжали, а я как-то оставался. Но в 1978 году, в декабре, и мы тоже подали заявление о выезде. И весной, в мае 1979-го, меня пригласили в ОВИР якобы по поводу отъезда. Провели в отдельную комнату, где два замечательно красивых молодых человека из КГБ предложили мне либо сознаться самому, либо дать компрометирующие показания на разных хороших людей. Я отказался. Долгий был разговор: минут сорок или час. Потом мне один из них сказал: “Игорь Миронович, учтите, что теперь вы на свободе не останетесь. Вы — живой свидетель того, что можно послать нас на... и спокойно гулять дальше. А вы — коллекционер, человек уязвимый”. У меня действительно была довольно большая коллекция живописи. Я ее лет двенадцать собирал: и живопись, и иконы, и скульптуры... Так вот, нашли двух уголовников, которые за сокращение их срока — им потом и в самом деле уменьшили срок — показали, что я купил у них пять краденых икон. А дальше начались замечательные особенности советского правосудия. Так как этих икон не было в природе, у меня их, разумеется, при обыске не нашли. А потому посадили меня не только за скупку краденого, но и за сбыт. Да еще при обыске, который длился три дня, из дома вынесли ну просто контейнер самиздата и тамиздата.

— Была ли в вашей жизни национальная проблема?

— Представляете, как мне тяжело в Израиле? Хотя в Израиле практически нет разговоров на еврейскую тему. Мы все там себя ощущали русскими. Там, знаете, даже дети в школе дразнят друг друга “русский”. И обижаются, считая, что это оскорбление. Примерно такая же история была с моим сыном, который приехал ко мне в Сибирь и там пошел в школу. Мы, естественно, за него очень боялись. Я его даже драться учил, тоскливо вспоминая собственную молодость. А все оказалось значительно проще. Там слово “еврей” было бытовым ругательством. И когда моего сына начали этим дразнить, он сказал: “А что ты меня обзываешь евреем? Я и есть еврей”. И все дико удивились. Оказалось, они полагали, что еврей — это не национальность, а ругательство. Почему я обратился к еврейской теме? Я как-то ужасно остро ощутил себя евреем...

— Каким образом?

— Это очень трудно сформулировать. Как вы можете мне объяснить, почему вы ощущаете себя женщиной? Молодой, красивой женщиной... Вы можете это объяснить?

— Я смотрю на себя в зеркало. Часто. И вижу.

— Я тоже смотрю на себя в зеркало. Нечасто. И тоже вижу — еврей.

— А как же интернационализм, дружба народов и прочее?

— В интернационализм я не верил никогда. А в те годы особенно было видно, что никакого интернационализма нет. И это искусственное общество раскалывалось по подземным, невидимым трещинам. Знаете, Анечка, когда человек становится свободным, то задает себе вопрос: “Кто я?”. И один из естественных ответов — национальное осознание самого себя.

— Вы учили своего сына драться. Для вас это способ решения проблем?

— Нет, вовсе нет. Просто я вспомнил, что в детстве меня очень часто били. Когда мне говорили “жид”, я лез драться, и меня били. Я им очень благодарен: вырос здоровым мужиком. А сейчас нет. Я и в лагере никогда никого не бил, за что меня очень презирали товарищи.

— Значит, опять били вас?

— Нет. Я был сам по себе, но у меня было полным-полно друзей. Я очень хорошо жил в лагере, это было замечательное время. Когда я жил в тюрьме, в лагере, на поселении, то понял, что количество хороших людей преуменьшено. На самом деле их оказалось ужасно много. И очень часто случалось, что человек, казавшийся абсолютным подонком, поступал благородно и замечательно. Я очень дружил с блатными.

Первая книжка под моей фамилией у меня вышла в Америке. Ее издал мой друг. А я был в это время в ссылке. Так меня в наказание перевели жить из избы в общежитие. А это было важно, потому что я жил с семьей. Была весна, надо было вскопать огород. Я взял пятерых своих самых ближайших товарищей, мы отпросились и пришли быстренько вскопали-посадили огород. А когда уже сели пить водку, то я обратил внимание, что все мои пятеро приятелей сидят за убийство. Я не нарочно их подбирал по этой статье, видит Бог, но... А они были весьма славными ребятами.

— У вас никогда не было ощущения, что вы изгой?

— Я всегда себя чувствовал совершенно полноценным человеком. Мне кажется, что полноценность человека — это его внутреннее самоощущение, а не наружные регалии: должность, чин, звание и тому подобное. Я не знаю, что такое общество. Для меня общество — это несколько моих друзей и безумное количество моих приятелей.

— А когда вы уезжали, не боялись, что приобретете тоску по Родине? Или, как кто-то сказал, лучше о ней тосковать, чем ненавидеть?

— У меня ностальгии по России не было ни грамма. Интерес, что происходит, — не более того. Я очень быстро в Израиле прижился.

— А когда вы вспоминаете Россию, то что именно?

— Ну, во всяком случае не луга и косогоры. Я вспоминаю кухни в 60-70-х, бесчисленных друзей, девиц, знакомых из молодости, поездки по России. Но не те ностальгические детали, которые обычно описываются.

— А “девиц, знакомых из молодости”, было много?

— Об этом надо судить по стишкам. Я ведь теперь и не сознаюсь. Подвигов никаких не было.

— Скажите, как коллекционер “чайнику”, что меняется в вашей жизни от того, что вы приобретаете еще один холст, потом другой, третий? Не проще сходить в музей?

— Знаете, физиолог Павлов написал, что коллекционирование сродни инстинкту пищевому, инстинкту любви... Эта жажда приумножения коллекции — совершенно патологическая. Коллекционированием занимаются совершенно особые люди, хотя среди них много жуликов, мошенников. По отношению к коллекционерам можно употребить любые слова, и они подойдут. Но это настоящая страсть и огромное счастье. У меня сейчас очень большая коллекция. У нас четырехкомнатная квартира плюс кухня — и все завешено картинами, от пола до потолка.

— А у вас не бывает так, что купили, повесили и глядите сквозь нее. Или вы ежедневно обходите свои богатства...

— ...как скупой рыцарь Ежедневно — нет. Но вот садишься покурить вечером или утром, падает глаз на какой-то или несколько холстов, и — счастье полное. Больше всего это все-таки похоже на скупого рыцаря, который перебирает свои монеты в сундуке. Но там это как-то бессмысленно, потому что все спрятано. А картинами все наслаждаются.

— А что такое ваша жизнь в Израиле помимо сигаретки с картинами?

— А я бездельник. Я всю жизнь ничего не делал. И в Израиле так же: сижу, пью кофе, курю, пишу стишки, треплюсь с друзьями, когда их вижу, выпиваю, читаю книжки. Ну, бездельник я. Профессионал-бездельник. И, по счастью, прожил так уже шестьдесят лет и собираюсь дальше.

— Игорь Миронович, дайте совет, как и на что жить профессиональному бездельнику?

— Анечка, мне на самом деле очень повезло, потому что за плоды моего безделья мне платят деньги, у меня выходят книжки, у меня оказались тысячи читателей, сейчас уже во всем мире. Мои книги хорошо продаются. У меня много вечеров-концертов, на которых я завываю свои стишки. И за все это мне платят деньги. Есть люди, которым не везет, есть люди, которым везет. Мне повезло.

— Ну, хоть мусор-то вы выносите?

— Выношу, если жена успевает ухватить меня за рубашку и сказать: “Не забудь вынести мусор!”

— А есть ли среди израильских литераторов обычай проводить жизнь на тусовках?

— Там есть многочисленные попытки тусовок.

— Что значит попытки?

— Собираются, разговаривают точно так же, как здесь. Предпринимаются разные попытки издания журналов. Но я думаю, что израильские тусовки обречены — так же, как и американские. Как в атомной бомбе есть понятие критической массы, так и в этом. В Израиле не хватает людей, их слишком мало для тусовок. Здесь их чудовищное количество, можно с одной тусовки переходить на другую, все плавно перетекает одно в другое; а там — увы.

— В смысле, что все друг другу надоедают быстрее, чем кончится очередная тусовка?

— Не то чтобы надоедают, но исчерпывается смысл. Тусовка же — это жанр существования, но этот жанр предполагает большее количество людей, для этого пригодных, чем сейчас есть в Израиле.

— Когда вы говорите, что вы графоман, бездельник — вы кокетничаете, эпатируете или...?

— Я никого не собираюсь эпатировать. На самом деле те, кто эпатирует общество, его боятся, уважают, хотят в него втереться. А я просто говорю, как есть.

— А вас никогда не угнетало, что вы — не совсем серьезный писатель?

— Нет. Я полагаю, что как считают дураком, так пусть и считают. Вообще, всегда лучше быть дураком. Легче, да и ответственность меньше.

— Это если вам все безразлично...

— Ну конечно, я бы хотел, чтобы меня считала умным жена. Но это безнадежно. Она все про меня знает и никогда умным считать не будет.

— И тем не менее она с вами?

— Так она меня любит. Можно любить и полного идиота. Это чисто женская особенность. Теща меня никогда не будет считать умным человеком, как бы я ни тужился. Так лучше не тужиться.

— А кстати, как у вас получилось создать такие нежные отношения с тещей? Вы называете ее тещенькой, моей любимой тещей...

— А потому, что моя теща, — очень умный и хороший человек. Теща, по-моему, даже не человек, а явление.

— Ваша конкретная теща или вообще?

— Моя конкретная. Какие другие тещи?! О чем вы говорите?! Просто мне кажется, что Лидия Борисовна (Лидия Борисовна Либединская. — **А.К.**) — это осколок того замечательного поколения россиян, которое мы уже даже не застали. Которое убили целиком: в начале революции, в первую мировую войну, за все годы советской власти. Мы не застали потрясающего поколения. Я прочту еще один свой стишок, с вашего позволения.

Россия обретет былую стать,
Которую по книжкам мы любили,
Когда в ней станут люди вырастать
Такие же, как те, кого убили.

Вот моя теща — осколок того поколения. Это не значит, что она — ангел. Избави Бог. Есть такие черты и проявления характера и так далее, но вместе с тем есть какое-то такое невероятное богатство, от которого цепенеешь.

— Прошлое вас увлекает?

— Да, очень. Даже, может быть, больше, чем настоящее.

— Почему?

— Я думаю, что от любопытства. Вы знаете, прошлое такое темное. И чем больше появляется исторических исследований и книг, тем оно становится темней и непонятней.

— Предпочитаете додумывать сами?

— Кто-то хорошо сказал, то ли Гегель, то ли кто-то еще, но из тех, кто очень любит формулировки: историки — это пророки, которые предсказывают прошлое. Очень точно сказано, по-моему. Историки врут документально. Мне очень интересно и российское, и еврейское прошлое. Когда вышел Иосиф Флавий (“Иудейская война”. — **А.К.**) и я прочел его, то изумился недальновидности, неразумности евреев, которые, вообще-то говоря, считаются умным народом. У нас как начнешь читать книжки про евреев, так все какая-то жалкая нация получается. Ее убивали, притесняли, закапывали живой в землю, сжигали, преследовали, выгоняли, осуждали... После Иосифа Флавия меня посетило жуткое ощущение гордости. Помните, это было названо национальной гордостью великороссов. У нас, евреев, было такое же прошлое, как и у всех народов. Бандитское, убийственное, кровавое, чудовищное. Просто римское по размаху. Все было: и низость, и величие...

— Можно сказать, что ваша жизнь удалась?

— Да, безусловно. Но я никогда никаких планов не строил, именно поэтому она и удалась.

— Рецепт счастливой жизни по Губерману?

— Конечно. Чем меньше ты хочешь, чем ниже у тебя уровень притязаний, тем больше ты получаешь от жизни.

— Вы очень остроумный человек. С вами легко жить?

— Нет, я страшно угрюмый, тиран, злобный, деспот, сварливый, несговорчивый и вообще мерзота сплошная. Жить со мной совершенно невозможно. У меня просто жена — святой человек.

— Как же вам при таком наборе удалось ее покорить?

— Когда мы ухаживаем за женщиной, так мы все такие веселые, порхаем, цветочек, глядишь, какой-нибудь подарим, в кино сводим. Много ли женщине надо? Женщина же хочет обмануться, вот и обманываем.

— Но есть какой-нибудь фирменный губермановский стиль ухаживания?

— Нет, я, как во всем, и в ухаживании — хам, деспот, насильник, агрессор...

Беседу вела Анна КОВАЛЕВА.

Игорь ГУБЕРМАН.

ЖИТЬ БЕЗЗАБОТНО И ОПЛОШНО — КАК РАЗ И ЗНАЧИТ ЖИТЬ РОСКОШНО

я курю возле рюмки моей,
а по миру сочится с экранов
соловьиное пение змей
и тигриные рыки баранов.

плетясь по трясине семейного долга
и в каше варясь бытовой,
жена у еврея болеет так долго,
что стать успевает вдовой.

на Страшный Суд разборки ради
эпоху выкликнув мою,
Бог молча с нами рядом сядет
на подсудимую скамью.

дикая игра воображения
попусту кипит порой во мне —
бурная, как семяизвержение
дряхлого отшельника во сне.

ты с ранних лет в карьерном раже
спешил бежать из круга нашего;
теперь ты сморщен, вял и важен —
как жопа старого фельдмаршала.

однажды я спокойно обнаружил,
что я уже приблизился к пределу,
где если я еще кому-то нужен,
то изредка, не слишком и по делу.

заметь, Господь, что я не охал
и не швырял проклятий камни,
когда Ты так меня мудохал,
что стыдно было за Тебя мне.

любовных поз на самом деле
гораздо меньше, чем иных,
но благодарно в нашем теле
спит память именно о них.

есть люди — пламенно и бурно
добро хотят они творить,
но почему-то пахнут дурно
их бескорыстие и прыть.

забавно желтеть, увядая,
следя без обиды пустой
за тем, как трава молодая
смеется над палой листвой.

уже судьбы моей кино —
сплошное ретро,
а в голове полным полно
идей и ветра.

Из сборника “Третий иерусалимский дневник”

потом у России изменится нрав,
он будет светлей и добрей,
и станет виднее, насколько был прав
уехавший раньше еврей.

еврей — не худшее создание
меж Божьих творческих работ:
он и загадка мироздания,
и миф его, и анекдот.

меня прочтя,
потомок ахнет:
“как терпит автора бумага?
здесь русский дух,
здесь Русью пахнет!” —
и перекрестится бедняга.

лишь там, куда я попаду,
пойму, чего мы там достигли;
уверен я, что и в аду
мы вертим наши фигли-мигли.

характер мой — отменно голубиный,
и ласточки в душе моей галдят,
но дальше простираются глубины,
где молча птеродактили сидят.

с Богом я общаюсь без нытья
и не причиняя беспокойства:
глупо на устройство бытия
жаловаться автору устройства.

Бог мало кого уберег или спас,
Он копит архив наблюдений,
в потоке веков изучая на нас
пределы душевных падений.

живу сызмальства и доныне
я в убежденности спокойной,
что в мире этом нет святыни,
куска навоза не достойной.

Творец был мастером искусным —
создал вино и нежных дам,
но если Он способен к чувствам —
то не завидует ли нам?

мольбами воздух оглашая,
мы столько их издали вместе,
что к Богу очередь большая
из только стонов лет на двести.

Игорь Губерман приглашает всех 21 октября в 19 часов в дом культуры “Меридиан” (м. Калужская) на свой последний концерт в Москве. Вас ждут два часа, как всегда, стихов и баек, но по новой программе.